

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ

20 ИЮНЯ

В Колонном зале

В центре Колонного зала на возвышении в живых цветах и венках покоится урна с прахом великого писателя. Сотни и тысячи людей оставили вокруг возвышения приметную дорожку. Народная тропа!

Венки заполнили два зала, но все новые и новые букеты цветов пестрят яркими красками в человеческом потоке.

Без конца движется людская масса, и нет сил оторваться от величавого зрелища, как нельзя весной оторваться от вида ледохода, когда миллионы льдин плывут по широкой реке. Так мимо праха того, кто всей своей горячей кровью страстно любил жизнь, проходит живой и юный народ, протекает река жизни, полноводная и всеполюжающая.

... В девять часов утра в первом карауле становятся руководящие работники НКПС. Их сменяют делегации города Калинин. Рыдая, возвращается из почетного караула приехавший вчера из Борисоглебска приятель Горького, работавший с ним вместе грузчиком на Волге. 75-летний старик Андрей Парфенович Васильев. В карауле стоят рабочие фабрики «Богатирь», академики Деборин и Орлов, ленинградские писатели, школьники Солнечногорского района Московской области, бу-

рат-монголы Тогамытов и Шаданов, обучающиеся в Институте красной профессуры философии. Вот у урны выстроились 120 земляков Алексея Максимовича — делегации из гор. Горького. Среди них кузнец Бусыгин — инициатор стахановского движения в машиностроительной промышленности, Петр Заломов — герой романа «Мать», Каширины — двоюродные братья Горького, Тихон Григорьевич Третьяков — герой труда, 56 лет работающий на Сормовском заводе и награжденный в 1930 г. орденом Трудового красного знамени.

Сменяются почетные караулы, чередуются скорбные оркестры, — то сверху, с хоров, траурно звучит медь духовых инструментов, то внизу, на эстраде зала, плачут скрипки симфонистов.

В 17 часов прекращается доступ публики в Колонный зал. Обрывается казавшийся бесконечным людской поток. За восемь часов 20 июня 200 тысяч трудящихся прошло через этот зал.

Но вот закрыты двери в Дом союзов. Еще более торжественной и гудящей становится тишина зала. Здесь остались теперь только семья покойного, его родные, ближайшие друзья, группа писателей, руководители партийных и советских организаций, чле-

ны правительства. Вот проходят к урне М. И. Ульянова под руку с Н. К. Крупской, группа французских писателей — Андре Жид, Пьер Эрбар, Луи Арагон. Появляются гг. Димитров, Ежов, Умшлях, Крушев, Стецкий, Крестинский, Бугалин, Гамарник, Филатов.

17 часов 30 минут. Тишина. Молчание. И вот идет последний почетный караул: великий вождь народов становится на траурную вахту. Вместе с товарищем Сталиным стоят в последнем карауле товарищи Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Андреев, Чубарь, Микоян, Жданов.

Делаются последние приготовления к выносу урны. Выносятся бесчисленные венки, образуют необозримый поток цветов, которым открывается траурное шествие от Дома союзов к Красной площади. Раздаются мощные звуки «Интернационала». Иосиф Виссарионович первым берется за поручни носилок, на которых установлена урна. Вместе с ним урну несут товарищи Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Чубарь, Микоян, Жданов, Умшлях. На алом постаменте она плывет над скорбным людским шествием, направляющимся к стенам Кремля, на Красную площадь.

ПИСАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Илья ЭРЕНБУРГ

Ощущение истории необходимо человеку — изгляд с холма — минута молчания. Встреча с Горьким, я неизменно чувствовал присутствие истории. Он был простым человеком, веселым собеседником. Все в нем было от страсти, от борьбы, от жизни, и однако обыкновенную комнату превращал в ту арену, где века сталкиваются друг с другом. Он позволял нам взглянуть на наши дни, на самих себя глазами потомков.

Было время, когда молодая советская литература казалась беспризорной. Мы учились грамоте. Мы думали, что человечество начнет с азов. Горький пришел к нам, как посол великой русской литературы. Он добродушно усмехался и поглаживал усы: мы были детьми. Он напомнил нам, что мы не сироты, без роду и племени. Толстой и Чехов были для него не классиками, но современниками, живыми людьми. Он встречался с ними, спорил, шутил. Он был залогом преемственности: мы знали живого Горького. Он не канонизировал великих мертвецов. Он звал не только продолжать, но и начинать. Он помнил свое начало — слепую вражду литературных чистоплюев, академиков, эпигонов.

В нем поражала необычайная живучесть, преданность жизни. Годы, десятилетия он боролся со смертью. Он напоминал большое узловатое, мощное дерево, которое выросло наперекор непогодам. Он любил деревья. Он любил ребят. Он любил людей, их страсти и странности, глубокое различие между ними и то, что их объединяет, — человечность.

Он верил в прогресс яростно, испуганно. Когда он рассказывал о каком-нибудь новом изобретении, он улыбался, как ребенок. Лжеумному скепсису больших и малых писателей этот седой, весь изгаженный жестокой жизнью, человек противопоставлял чистоту и цельность своей мудрой детскости.

Рожденный поэтом, он стал нашим учителем не потому, что он любил наставления, но потому, что он любил будущее.

Пути всего он ненавидел бессмысленную жестокость. Жизнь не пощадила и его последних лет. Он был не только русским писателем, он был писателем человечества. Он увидел торжество бессмысленной жестокости, ко-

торую зовут фашизмом. Много лет он прожил в Италии. Он знал героизм итальянских рабочих, простоту и сердечность итальянских крестьян. Незадолго перед смертью он написал те строки об африканской войне, которые без глубокого волнения не прочтет ни один человек, влюбленный в подлинную Италию. Он пенял культуру Германии. С болью и гневом он писал о людях, позоривших эту замечательную страну. Вместе с другими советскими писателями я был у Горького, когда хрупкая китайка Ху Лангши сказала ему: «Мои товарищи тоже мечтали увидеть Горького. Их закопали живьем в землю...» — Горький заплакал. Этих слез мы не забыли и не забудем. Они требуют от нас мужества.

Его любили китайцы и негры, поляки и португальцы. Его книги читали тайком: это было крохотное окошко в тюрьме. Его именем клялись и сибирские партизаны, и герои Астурии. Во всех лагунах мира он был у себя. Когда газеты принесли весть о его болезни, люди приходили в наши посольства, в редакции рабочих газет, в клубы все с тем же мучительным вопросом: «Как он?»

Мы все знаем, что Горький написал изумительные книги: «Детство», «Мои университеты», «Толстой», — это уже вне споров современников. Мы не забудем также о миллионах людей, для которых «Мать» была глухой барабанной дробью. Прочитав эту книгу, они обменяли свою жизнь на тюремные нары, на баррикады, на смерть у стены. Когда нам скажут теперь, что подлинное искусство вне борьбы, мы ответим одним словом: «Горький».

Он умер в изумительное время, и нельзя пройти спокойно мимо этого клубка исторических дат. Бюллетень об его смертельной болезни был напечатан в тот же день, что и текст Конституции. Он дожил до начала новой эпохи: то, о чем он мечтал, то, за что он боролся, получило форму, плоть, стало из стройки жилым домом. Он дожил также до тех дней, когда дрогнула ночь Европы, когда застесались красные флаги и в рыбацких поселках Галисии, и на черных холмах Валлонии. Страницы истории не всегда — бумага, порой они — металл. Среди гудя — телефонный провод, тысячи километров — проступили горькие слова: «Алексей Максимович умер...» Страница истории перевернулась.

ГОРЬКИЙ БУДИЛ МЫСЛЬ

Теодор ДРАЙЗЕР

Горький был последним представителем великой мировой плеяды реалистических мыслителей, глядящих на настоящее и будущее с тех духовных высот, которых так трудно достигнуть и с которых открываются самые широкие и самые ясные перспективы. Коммунизм, прогресс техники, широчайшие пути, которые сулят нам астрономия, физика и химия, успехи науки в области социологии и экономики, — все это открывает мир, в котором нет насилия, в котором свободно развивается человеческое чувство и разум.

Только та литература, мастером ко-

торой был Горький, которая видит великие горести и радости нашей реальной жизни, — только такая литература пробуждает и направляет человеческую мысль. Человек благодаря такой литературе может найти пути для своего экономического освобождения и построения счастливой жизни. Но неужели наши писатели будут пренебрегать знанием жизни, которым так владел Горький? Я в этом сомневаюсь. Я мысленно возлагаю венок на могилу этого великого человека.

ВАШИНГТОН, 20 июня.

(По телеграфу).

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

Леонид ЛЕОНОВ

Когда я думаю о Горьком, я думаю, что можно извлечь? Ему свойственен

Товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Андреев несут урну с прахом А. М. Горького, направляясь от Дома Союзов к месту погребения — на Красную площадь.

ПЕСНЯ О ГОРЬКОМ

Сулейман Стальский

От нас ушел любимый друг.
Та весть нам сердце сжала вдруг.
С огромной болью шлет ашу
Привет прощальный, милый друг.

Мою печаль не передать,
Нависла траура печать.
Ты в нашей родине, как мать,
Любим народом, милый друг.

Ты нес любовь в сердца людей,
Ты — светоч сталинских идей,
Наш бравый старший товарищ,
Наш великий друг и соратник.

Страна скорбит

ОТ ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК

Члены Президиума Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета выражают глубокую скорбь по поводу смерти великого писателя — товарища Алексея Максимовича Горького.

В лице Алексея Максимовича Горького трудящиеся СССР потеряли не только великого писателя, но и активнейшего борца за дело Ленина — Сталина, за коммунизм.

Калинин М. И., Киселев А. С., Новиков Н. Ф., Нурмаев Н. Н., Байгулин Г. Г., Буденный С. М., Булгаков Н. А., Вельш А. А., Доржиев Д. Д., Ежов Н. И., Исаев Б. Д., Кодацкий И. Ф., Крыленко Н. В., Кулумбетов У. Д.,

ВИННИЦА

Траурные митинги состоялись сегодня в большинстве сел Винницкой области. В колхозе им. Горького Чернивецкого района решено поставить памятник Горькому и организовать литературные кружки для изучения его творчества. Колхозники села Волаки Могилевского района решили присвоить своему колхозу имя Горького.

САРА ОРЕНБУРГСКАЯ

Во всех колхозных клубах и полях станках Ново-Покровского района Оренбургской области второй день идут траурные митинги. В колхозе «Красный бор» с рассказом о жизни и работе великого писателя русского народа выступил 67-летний колхозник Ва-

На Красной площади

Километрах в тридцати от Москвы путник, спешащий в ограниченную толпу, видит маленькую одинокую сторожку, и, пройдя мимо домика, он замечает кривой шест над крышей и на нем обшитый черной траурной тесьмой алый платок — верно хозяйка или дочурка не пожалела косынки, чтоб и ее маленькая сторожка разделяла великую скорбь страны. Тоскливо и трогательно поныл в июньском зное в тишине полей этот ало-черный знак горя.

Чем ближе к Москве, тем плотнее, гуще траур, тем больше окаймленных трауром флагов. Портреты того, кого оплакивает сегодня страна, все лучшее, что есть в мире, украшены опечаленные предместия Москвы. Траур несут заставы столицы, и грустный путник, направляющийся на похороны Горького, чувствует, что здесь его боль выливается в океан народной скорби.

К 5 часам в центре Москвы останавливается все движение, у огромного города словно пресекалось дыхание. Траурные шествия со всех сторон подолзи к площади Свердлова, площади Революции, к Моховой, к улице Горького. Красная площадь занята во всю длину колоннами трудящихся Москвы, людьми пролетарской столицы, которым трудовое человечество мира доверило высокую и тяжелую честь проводить великого буревестника революции на его последнем пути, проститься с ним, принять его грандиозное творческое наследство, чтоб сделать его достоянием всех.

Трибуны заполнены. Все лучшее в нашем искусстве, в нашей культуре, все, чем гордятся наш театр, техника, архитектура, живопись, литература, наука, — лучшие люди нашей страны сегодня здесь. Сегодня все и каждый имеют равное право на горе.

Между переполненными трибунами и траурными колоннами пролетарской Москвы оставлен широкий проход. По нему к мавзолею пройдет печальное шествие. Стрелка на часах Спасской башни приближается к 6-ти, и в каменном ущелье, образуемом стеной Кремля и Исторического музея, сперва тихо и глухо, потом громче и громче, с тяжелой торжественностью, возникает, приближаясь, музыка, полная мощи и горя. Показываются тяжелые бархатные знамена с черным крестом. За ними — венки. Бесконечное шествие цветов. Десятки, сотни их, огромных, блестящих, вчера и сегодня слезы сто-

шего писателя пролетариата. Урну поднеси к мавзолею, поставили ее на возвышение. Смолкла музыка. Безмолвно, стоя рядом со Сталиным на граните ленинского мавзолея, речь глубокой, вдохновенной, потрясающей. В его словах зазвучала скорбь всего передового человечества, скорбь мира, утратившего одного из лучших своих сынов. Андре Жид говорил об огромном уроне, который понесла мировая культура со смертью Горького. Он говорил о своих впечатлениях, вынесенных из тишины Колонного зала, где к гробу великого писателя пришли сотни тысяч людей, которых там, на Западе, не пускают в «сады культуры»: «вход за пределом частное владение», — значится там...

Опять бьют кремлевские куранты. Шест часов сорок пять минут. Вождь народов и его соратники поднимают урну и несут ее к Кремлевской стене. Древняя стена принимает в свою новую нишу прах замечательного человека Алексея Максимовича Пешкова, великого писателя Максима Горького, познавшего в своей неповторимой жизни, как сказал Андре Жид, весь гнет позавчерашнего дня, принимавшего участие во вчерашних боях и жившего в сегодняшних победах, открывающих перспективному будущему...

Орудийный салют сотрясает горячий воздух склоняющегося к вечеру дня, развешая городу, что Максим Горький окончил свой последний путь. Но трубы оркестра уже поют победный гимн человечества. Под величественные, возмущающие к жизни звуки «Интернационала» люди на трибунах начинают медленно расходиться. Оставив здесь частичку своей жизни, они уходят в глубокой задумчивости, идут работать, думать, писать, строить, жить, побеждать.

Л. К.

орденносец Л. Долгополов (Донец), коллектив конструкторов Ново-Косского локомотивостроительного завода, коллектив учителей и учащихся школы № 1 Восточного, коллектив рабочих, ИТР и служащих Томского вагоностроительного завода, Всесоюзная ассоциация работников науки и техники, президиум Всесоюзного совета промышленности, рабочие зернохранилища имени (Нубийшевский край), воронежский студенческий коллектив, рабочие ткацкого завода и Верх-Исетского завода, рабочие вагонного завода «Гропекс», коллектив работников Миссоны, группа иностранных астрономов, бывавших в СССР наблюдать солнечное затмение, и др.